И. В. Лемешкин

(Институт литовского языка, Вильнюс)

ДРЕВНЕБАЛТИЙСКИЙ ТЕКСТ С ОСТРОВА КРИТ. ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЧТЕНИЯ

В статье рассматривается новая и самая значимая (с 1974 г.) находка в области прутенистики (балтистики). Чтение Критского колофона серьезно осложнено тем, что исследователь вынужден работать не с оригиналом, а с копией 1440 г., содержащей существенные графические ошибки немецкого писца. Прусский текст интерпретируется как магический и понимается как заговор, относящийся к обрядовому календарному фольклору. В статье оговариваются особенности текста (в варианте 1440 г.), формулируется общий подход к реконструкции оригинала (за счет нескольких палеографически мотивированных конъектур), уточняются синтаксическая структура и семантика проблемных мест. Предполагается, что в 1422 г. на Крите пражский гусит Петрус Турнау в составе колофона использовал прусский текст.

Ключевые слова: Критский след прусского языка, колофон, прусский язык, чтение, календарный фольклор, заговор, Петр Турновский.

Ilja Lemeškin

(Institute of the Lithuanian Language, Vilnius)

An Old Baltic text from Crete. Reading specifics and reading sequence

The article presents a research of the most significant find in the field of Prussian (Baltic) studies that has been made in the last 40 years. Reading of the Trace of Crete (or Colophon of Crete) is particularly difficult due to unavailability of the original from 1422. Researchers can work only with a copy from 1440, which contains substantial graphic mistakes made by a German-speaking writer. The Old Prussian colophon can be interpreted as an incantation, a magic formula, which is a form of calendar ceremonial folklore. The study at hand discusses the specifics of the text from 1440 and formulates a methodological approach for a possible reconstruction of the original, with regard to several conjectures, motivated by a paleographic analysis of the copy. Furthermore, syntactic structure and semantics of problematic passages are made more precise and accurate. The person that employed the Old Prussian colophon in 1422 in Crete has been identified as Petrus Turnau, a Hussite from Prague.

Keywords: Trace of Crete, colophon, Prussian language, reading, calendar folklore, incantation, Petrus Turnau.

*Без прутенистики нет балтистики,
без балтистики — индоевропеистики.*
В. Мажюлис

Число образованных балтов, приобщенных к письменной культуре Средневековья, было невелико вследствие позднего принятия (распространения) христианства, что закономерно сказалось на малочисленности и жанрово-стилистической односторонности письменных источников. Особо скромное место в корпусе древнебалтийских текстов¹ занимают прусские памятники², однако фрагментарность не помешала во второй половине XX в. поместить именно прусский язык в основу новых теоретических подходов (Ivanov, Torgov 1958; Karaliūnas 1968; Mažiulis 1970: 321) при решении вопросов балто-славянского глоттогенеза. Дело в том, что исследователи заметили значительное количество эксклюзивных прусско-славянских изолекс, примечательные инновации в области притяжательных местоимений, глагольного и иного словообразования.

Корпус прусских текстов открывают лексикографические произведения, не ранее второй половины XIII в. созданные по образцу ганзейских словарей и разговорников (Lemeshkin 2018; Lemeškin 2019: 51–107); доминирующее же положение занимают языковые факты, почерпнутые уже из печатных источников — немецко-пруссских катехизисов 1545³ и 1561⁴ гг. На фоне переводных (параллельных) текстов контрастно выделяются редкие оригинальные рукописные памятники прусской словесности. Один из них — Базельский колофон (1369)— был обнаружен и введен в научный оборот в 1974–1975 гг. (McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975; Mažiulis 1975). Свежий источник вызвал

¹ См. *Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien* (TITUS) (Frankfurt am Main): <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/framee.htm?/texte/texte2.htm>

² Отдельно прусские памятники представлены в базе *Prūsų kalbos paveldo duomenų bazė* (Vilnius): <http://www.prusistika.flf.vu.lt/tekstai/paieska/>

³ *Catechismus* || *jn preiſznischer* || *ſprach* \ *vnd daſgegen das* || *deüdfche.* || 1.5.45 (Gedruckt zu Königsberg || jnn Prüſſen durch || Hans weinreich. || M. D. Xlv.); *Catechismus* || *jn preiſznischer* || *ſprach* \ *gecorri=* || *giret vnd da=* || *gegen das* || *deüdfche.* || 1.5.45. (Gedruckt zu Königsberg || jnn Preüſſen durch || Hans weinreich. || M. D. Xlv.).

⁴ *ENCHIRIDION.* || *Der Kleine* || *Catechismus* || *Doctor Martin Lu=* || *thers* / *Teutſch vnd Preußiſch.* Gedruckt zu Königsberg in Preußſſen || durch Johann Daubman. || M. D. LXI.

огромный интерес со стороны балтистов, славистов, индоевропеистов⁵. Восхищенный неожиданной находкой У. Р. Шмалstieg сразу же использовал «древнепруссский пассаж» с подобающим комментарием и переводом в качестве фронтисписа к грамматике древнепрусского языка (Schmalstieg 1974).

Корпус древнебалтийских текстов пополнился в 2013 г. за счет так называемого «Критского следа» (Dini 2014: 332; о категории памятников, обозначаемых термином итал. *traccia*, англ. *Trace*, лит. *pėdsakas*, см.: Dini 2004). После непродолжительного замешательства, связанного с проблемной атрибуцией языка (Kessler, Mossman 2013⁶), удалось надежно установить не только прусскую принадлежность, но и локальную ориентацию пишущего — помезанский диалект (Lemeškin 2014b: 363; Kaukienė, Jakulytė 2015: 50). Критский текст, которому посвящена данная статья, помимо известных словоформ, содержит гапаксы. Хотя по объему Критский след (или же колофон) в два раза превосходит базельский памятник, в функционально-типологическом отношении они чрезвычайно близки. Оба, завершая иллюминированную рукопись, тесно связаны с колофонами и отражают интенции писцов-прусов XIV–XV вв.

Новый оригинальный древнебалтийский памятник вызвал живой интерес среди прутенистов (балтистов), благодаря публикации С. Кесслера и С. Моссмана *Ein Fund aus dem Jahre 1440: Ein bisher unbekannter Text in einer baltischen Sprache* (Kessler, Mossman 2013). Исследование косвенным образом инициировала галерея *Les Enluminures*, занимающаяся изучением и продажей древних книг, миниатюр и ювелирных изделий. Новый лот в 2013 г. понадобилось грамотно описать, и с этой целью галерея обратилась к С. Моссману (University of Manchester). Досконально изучив латинскую рукопись, медиевист обратил внимание на загадочный текст в конце книги, предположительное происхождение которого он связал с Балтийским регионом. Это в свою очередь побудило обратиться за помощью к С. Кесслеру (Universität Greifswald), который текст соотнес с древнелитовским и предложил весьма сомнительную стратегию его прочтения (Lemeškin 2014a: 142).

⁵ Ревизия старых интерпретаций предпринята: (Lemeškin 2019: 244–258, 267–289; Lemeshkin 2020).

⁶ Авторы первоначально интерпретировали язык как древнелитовский, позднее, в процессе корректур своей публикации, отождествили его с древнепрусским.

С. Кесслер и С. Моссман подробно познакомили с историей рукописного памятника, установив некоторых владельцев книги. Ими в разное время были: венецианский патриций Бернард Тревизанский (*Bernardo Trevisan*, 1652–1720), епископ Вероны Франческо Тревизанский (*Francesco Trevisan*, 1658–1732), венецианский сенатор Якопо Соранцо (*Jacopo Soranzo*, 1686–1761), иезуит Матео Луиджи Каноник (*Matteo Luigi Canonici*, 1727–1805). В XIX в. книга оказалась в Англии в собственности Вальтера Снайда (*Walter Sneyd*, 1809–1888), наследники которого, воспользовавшись услугами аукционного дома Sotheby's, ее продали. Затем 18.12.1903 книгу приобрела Публичная библиотека Уигана (*Wigan Public Library*), которая владела ею вплоть до закрытия ок. 1990 г. Далее след книги на какое-то время потерялся, пока та вновь не объявилась на аукционе 02.10.2012 как лот 114 (*PAUL of Venice. Logica parva [dated and signed by the German scribe Peter Wickerau], 1440*) в каталоге аукционного дома *Bonhams* (Kessler, Mossman 2013: 515–517). В 2014 г. список сочинения Паоло Венето, датированный 1440 г. и содержащий текст на прусском языке, галереей *Les Enluminures* был перепродан анонимному американскому коллекционеру. След книги после этого пропал, однако в нашем распоряжении остались профессиональная опись рукописного памятника и подробная фотодокументация.

После краткого ознакомления с историей бытования и современной судьбой рукописной книги считаем необходимым отметить, что впервые прусский текст привлек к себе внимание специалистов в 1992 г., когда английские библиографы издали очередной том *Medieval Manuscripts in British Libraries*, где подробно описали список *Logica parva* из Публичной библиотеки Уигана. Не обладая компетенцией в области балтистики, Н. Кер и А. Пайпер непонятный им текст безукоризненно дешифровали: *Atonaige maian meilan am ne voede maian wargan. Thaire ne stonais po picvssen abdolenai galei ragai. Stonais po leipen zaidiantem acha peda bete medde* (Ker, Piper 1992: 575). Единственная оплошность была допущена, вероятно, на стадии верстки: «дубль вэ» в одном случае наборщик интерпретировал как комбинацию букв <vo>, из-за чего вместо *wede* появилась форма *voede*. Графически воспроизведя загадочный текст, составители каталога никак его не интерпретировали. К великому сожалению, результат их работы оказался тогда неизвестным

для балтистов⁷. Горе-специалисты из аукционного дома *Bonhams* в свою очередь непонятный текст интерпретировали как греческий, записанный латинскими буквами. Ошибочную атрибуцию в 2013 г. опроверг С. Моссман.

В списке *Logica parva* наше внимание привлекает лицевая сторона последнего листа (104r), где после основного текста сочинения Паоло Венето (A) друг за другом следуют: латинский колофон (B), нечитабельная строчка с фрагментом стертого текста (C), киноварью записанная латинская фраза *Sit benedictus natus virginis nunc et in euum* (D), киноварный Критский след (E) и строчка *Letare germania claro felix germine* (F).

Структуру листа 104r схематично можно изобразить следующим образом (илл. 1. *Logica parva* 104r):

Fig. 1. *Logica parva*, 104r.

⁷ Это вселяет надежду, что в таких каталогах присутствуют и другие неатрибутированные балтийские тексты.

A (конец основного текста, 10 строк)

B *Explicit loica compilata per eximium arcium sacreque theologie profectorem magistrum paulum de venecijs ordinis fratrum heremitarum sancti augustini. Scriptus et completus per me petrum wickerau almanice nacionis. Anno incarnationis prolis virginis mille=fimo quadringentesimo quadregesimo die duo de=cima nouembris in infula crethe in vrbe Chanee dum ociofus ibidem degerem.*

C (стертая строка)

D *Sit benedictus natus virginis nunc et in euum*

E *Atonaige maian meilan am ne wede maian wargan / Thaure ne ftonais po pief pievffen abdolenai galei ragai / Stonais po leipen zaidiantê acha peda bete medde /*

F *Letare germannia claro felix germine*

Элемент D, т. е. латинскую фразу *Sit benedictus natus virginis nunc et in euum*, можно трактовать как обычный элемент финализирующего «зааминивания». В функциональном плане она соотносима с привычной более короткой формулировкой *deo gracias amen*. Примечательно, что именно такого рода оборота в конце колофона (B) не хватает: ... *Scriptus et completus per me ... in infula crethe in vrbe Chanee dum ociofus ibidem degerem*.

Сложнее объяснить предназначение последней строки *Letare germannia claro felix germine*, т. е. F. Английские каталогизаторы полагали, что составные части D, E и F вписал тот же самый человек. С. Кесслер и С. Моссман в свою очередь заметили разницу в написании D–E и F. Исследователи предположили, что F — это более поздняя «патриотическая» маргиналия, вписанная в том же XV в. неким сторонним немецким читателем: «Ein späterer Leser, seiner Schrift nach aber noch im 15. Jahrhundert, trug abschließend den Satz *Letare germannia claro felix germine* ‘Freue Dich, Germanien, über den ruhmvollen Spross’ ein. Es handelt sich um die ersten zwei Zeilen des Offiziums für die hl. Elisabeth von Thüringen, was womöglich durch die Angabe Wickeraus angeregt wurde, der „Natio Almanica“ anzugehören» (Kessler, Mossman 2013: 530–531).

Полагаем, что незамеченной осталась важная хронологическая и функциональная взаимосвязь между составными элемен-

тами В и F. Свою работу, т. е. копирование основного текста, скриптор (Petrus Wickerau) закончил 12.11.1440: *Scriptus et completus per me petrum wickerau almanice nacionis. Anno incarnationis prolis virginis millesimo quadringentesimo quadregesimo die duo decima nouembris...* Фрагмент *Letare germania claro felix germinare [nascentis Elisabeth ex regali semine]* в свою очередь был взят из антифона литургического чтения в честь Елизаветы Венгерской (покровительницы францисканцев-терциариев), который звучал во время месс 17 ноября. Таким образом, взаимосвязь между составными частями А–Е и F мы склонны объяснять следующим образом: Петрус Вицкерау, находясь во францисканском монастыре г. Ханья, 12 ноября 1440 г. завершил скрипторскую работу (дописал А; вписал В, С, D и E); в период с 12 по 17 ноября с рукописью работал изограф, который завершение своего труда обозначил при помощи говорящей фразы, т. е. воспользовавшись литургическим текстом с очевидной (дня него и окружающих) временной коннотацией.

Здесь, наконец, мы подходим к главному вопросу: каким образом Критский след, т. е. E, семантически связан с контекстом, т. е. с частями А, В, С и F? Полагаем, что практически никак.

Лингвистический анализ «языкового следа» должен осуществляться одновременно с решением основополагающей проблемы: имеем ли мы дело с оригинальной записью *своего* текста, т. е. с автографом, или же с более поздним аллографом *чужой* записи. В последнем случае переписчик, не понимая язык копируемого источника, допускает характерные ошибки. Именно такие в процессе реконструкции загадочного текста и были в рукописи обнаружены. Забегая вперед, отметим, что Критский след нами был интерпретирован как магический текст, принадлежащий к календарному фольклору. Ни с содержанием *Logica parva*, ни с христианским благочестием он не имеет ровно ничего общего. Его совершенно неуместное присутствие на листе 104r можно объяснить, пожалуй, единственным убедительным образом: он находился в протографе, которым в 1440 г. на Крите воспользовался П. Вицкерау. Так как элементы D и E (только они) на лист 104r вписаны киноварью, можно предположить, что Критский след, разделенный на три строки, некогда шел после колофона:

... ..

Sit benedictus natus virginis nunc et in euum amen

*Atonaige maian meilan am ne wede maian wargan
Thaure ne ftonais po pievffen abdolenai galei ragai
Stonais po leipen zaidiantê acha peda bete medde*

То есть в протографе после благочестиво-молитвенного финала колофона (D) находился прусский текст. Его, написанный предшественником на незнакомом языке, немец П. Вицкерау мог интерпретировать как сакрально-табуистический, т. е. важный и заслуживающий внимания и копирования. Этому могло существенно поспособствовать выражение *Adonaj* (אָדאָנאָ 'мой Господь / господин'), с которым он отождествил (и, переписывая, скомбинировал) первое слово *Atonai-ge*.

Итак, лингвистический анализ прусского трехстишия сильно затрудняют ошибки, допущенные немецким переписчиком. В тексте мы видим большое количество лексем, интерпретация которых не вызывает особых трудностей. Чаше всего это слова, относящиеся к общебалтийскому лексическому фонду. Однако одновременно в тексте присутствуют чрезвычайно проблематичные, с точки зрения балтийских языков, словоформы: *Atonaige*, *am*, *acha*. Две словоформы находятся сразу же в первой строке, а загадочное *Atonaige* «открывает» весь текст. Без внятного начала трудно распутывать общую лексико-семантическую, синтаксическую нить «языкового следа», т. е. микро-текста, интерпретацию которого осложняет отсутствие контекстуальных и жанровых связей.

Ключ к разгадке непонятного текста, который первоначально казался лишь хаотичным набором случайных словоформ, удалось найти в частотности графических компонентов. Во второй и третьей строках присутствует одинаковая конструкция *ftonais po* — *Stonais po*, в которой использованы: sg. 2 imperat. прус. **ston-ai-s* 'стань, стой' (inf. *postātwei* 'стать (быть)' III 63₁₆, III 105₁₇; praes. 3 sg. *postānai* 'становится' III 49₃, III 111₁₁, III 123₁₃ и др. — РЕЖ III: 331; ср.: ст.-сл. стати, станж, станєши) и предлог прус. *po* 'под' (РЕЖ III: 297–298). В первой же строке текста в той же самой позиции (начала строки) была замечена одинаковая комбинация тех же пяти букв (!), что и в составе глагола *stonais* (ниже подчеркнуты те места, которые, с точки зрения балтистики, не имеют удовлетворительного объяснения):

*Atonaige maian meilan am ne wede maian wargan
 Thaure ne stonais po pievffen abdolenai galei ragai
 Stonais po leipen zaidiantê acha peda bete medde*

Троекратное повторение той же комбинации <tonai> в столь кратком тексте не может быть случайностью. Статистическая вероятность такого рода повтора — нулевая⁸, а значит, напрашивается вполне логичное предположение, что в каждой строке трехстишья была использована одинаковая синтаксическая модель. Чем же управляет повторяющийся глагол *stonais* ‘стань/стой’ и предлог *po* ‘под’?

Начнем с конца, с начала третьей строки *Stonais po leipen zaidiantê*... Здесь в вин. п. ед. ч. использован прус. дендроним ном. **leipē* ‘липа’ ($\leq$ **leipā* ‘то же’) (PEŽ III: 69–70). Конструкция *stonais po leipen* ‘стань/стой под липой’ далее расширяется определением, уточняющим под какой именно липой нужно встать/стоять: *zaidiantê* ‘цветущей’ < part. praes. act. sg. асс. **zeid’ā-nt-in* (балт. **žeid-* ‘зазеленеть, разрастись’ (Rix 2001: 161–162), вост.-балт. диал. **žīd-* ‘зазеленеть, процвести’: лит. *žydėti*, лот. *ziêdēt* и т. д. (ср. part. praes. act. асс. sg. лит. диал. *žyda-nt-į*; 3 praes. *žydžia*). Конструкция, содержащая идеализирующий эпитет, находит многочисленные параллели в фольклорных текстах, напр. *po ta liepele žaliaje* (Kalvaitis 1998: № 50).

Типологически тождественная конструкция второй строки *Thaure ne stonais po pievffen* осложнена отрицанием и вокативом *Thaure* ‘тур!’ (прус. *tauris* E 648 — PEŽ IV: 186), который объясняет, к кому обращен императив: *Thaure ne stonais po* ... ‘Тур, не вставай/стой под ...’. Далее идущий субстантив, записанный как *pievffen*, в свою очередь обозначает дерево, под которым

⁸ Корпус прусских текстов, где <tonai> больше нигде не фигурирует, слишком ничтожен для статистических выкладок, поэтому для проверки был взят также корпус родственного литовского языка. В значительном объеме текстов XVI в., который включает и весь библейский массив, данная комбинация в разных контекстах спорадически встречается шесть раз: instr. pl. *Samaritonais* ‘самаритянами’, ном. pl. *Jerofolimitonai* ‘иерусалитяне’, ном. pl. *Machametônai* ‘магометанцы’, adj. instr. pl. *geltonais* ‘желтыми’, ном. pl. *Stonai* ‘станы, сословия’, ном. pl. *batônai* ‘сатаны’. В пределах той же синтагмы повторное использование <tonai> гипотетически можно представить лишь в перечне однородных членов из категории *nomina collectiva*: *Samaritonai(s)*, *Jerofolimitonai(s)*, *Machametônai(s)*.

зверю не стоит находиться — *po pievſſen* ‘под сосной’: асс. sg. **pjausen* ‘сосну’ < прус. *peuse* ‘сосна’ (Е 597), прус. **pjausē* < **peusē* (см. РЕЖ III: 277–278), где корневой дифтонг *ai* в позиции после мягкого согласного записан как <iev> (ср.: *bleusky* ‘схеноплектус’ Е 286, *keuto* ‘кожа’ Е 497, *iau* ‘уже’ III 63₁₀, *iaukint* ‘приучать’ III 17₁₆, *skewre* ‘свинья’ Е 685 и т. д.).

Таким образом, в Критском следе мы наблюдаем лексико-синтаксическую корреляцию:

[— //—] [S]*tonai*[s po] ... «Встань/стой под ...»
Thaure ne ſtonais po pievſſen ... «Тур, не вставай/стой под сосной ...»
 [— //—] *Stonais po leipen zaidiantē* ... «встань/стой под липой цветущей ...».

Учитывая наличие троекратно повторяющейся конструкции, в первой строке после императива и предлога *po* (который по аналогии реконструируем на месте <ge>) мы вправе ожидать еще один дендроним (первый по очереди использования в тексте). Обратим внимание, что в первой строке нет следов негации. Если бы она присутствовала, мы могли бы прогнозировать использование фитонима с вполне конкретным денотатом, напр. «Не вставай/стой под елью, не вставай/стой под сосной, встань/стой под липой». Отсутствие негации в первой строке говорит в пользу того, что здесь было использовано не видовое, но некое обобщающее название, после которого шла конкретизация: «Стань/стой под деревом...: не вставай/стой под сосной..., встань/стой под липой...». Словоформу *taian* поэтому мы вправе отождествить с асс. sg. прус. **majan*, т. е. возводить к пом. sg. **maja* ‘майское дерево’ (ср. нем. *Maibaum*; топоним в Помезании вблизи Эльблонга *Meusenbot*; чеш.-морав.-словак. *máje* (masc.), *mája* (fem.), пол. *maj*, лужиц. *maja*, *meja*, *Maien*, словен. *maj*, *mlaj*, *majran*, хорв. *maj*, *majuš*, укр.-бел. *май*, рус. (новг.) *майка*, рус. *троицкая берёза* и т. д.). Т. Агапкина указывает, что у западных славян дендроним с корнем *mai-* используется для обозначения календарного обрядового деревца вообще (Agarkina 1999: 74).

Рядом стоящее слово *meilan* в свою очередь легко интерпретировать как прус. adj. асс. sg. masc. *meilan* (adj. **mēila-/mīla-* ‘милый’; ср. прус. *mijlan* ‘милого’ III 27₁₀, III 47₁₃, III 81₁₂, III 113₂₇, III 129₁₇, III 79₁₂, III 131₁₉; лит. *mielas* ‘милый’, лот. *mīļš* ‘милый’ и т. д.) или как адвербиально использованную форму

адъектива ср. р. **meilan* ‘милостиво, с охотой’ (ср. adj. *mijlan* ‘милостиво’ III 31₆). Фрагмент [*S*]*tonai*[*s po*] *maian meilan* соответственно можно перевести как «Стань/стой под майским деревом милостиво» или «Стань/стой под майским деревом охотно».

Графическая конъектура, т. е. замена <a> и <s>, имеет простое и убедительное палеографическое обоснование: *textus rotundus*, *textus semiquadratus*, готический курсив характеризуются двухъярусным (чеш. *dvoubříšková konstrukce a* «конструкция <a> с двумя брюшками») написанием буквы <a>. Такое минускульное и маюскульное начертание <a> при переписывании из-за подобия часто путали с <s> и наоборот. Симптоматично, что ту же ошибку П. Вицкерау допустил (вполне ожидаемо) еще раз, в третьей строке до неузнаваемости искажив наречие *scha* (прусс. adv. *schai* ‘здесь’ III 115₁₇, ср. лит. *še* ‘здесь, тут’, ст.-сл. *се* ‘то же’; см.: PEŽ IV: 78t.), из-за чего балтисты столкнулись с графически (фонетически) иррегулярной формой *acha*.

Погрешностью писца можно, наконец, объяснить появление загадочной, с точки зрения балтистики, формы *am*, в которой правомерно усмотреть **ani* (<ni> или <in> переписчиками часто интерпретируются как графема <m>), т. е. комбинацию союза *a* ‘и’ и отрицательной частицы *ni* ‘ни’ (PEŽ III: 181). Двойное отрицание *ani ne wede* находит параллели в славянском синтаксисе, где *ani ne/nie* служит усилению отрицания: чеш. *ani ne řekl*, *ani se ne zeptal*, пол. *ani nie lubię* и т. д. Глагол *wede* соотносится с лит. *vèsti* (*vēda*, *vēdē*), лот. *vest* (*vēdu*, *-du*). По всей видимости, здесь использована форма прош. вр. 3 л. ед. ч., которая однажды засвидетельствована в связке с энклитическим местоимением: прает. 3 sg. *weddēdin* ‘(от)вел её’ III 101₁₇ (inf. *west(wei)* ‘вести’ — PEŽ IV: 233). Последовательность *maian wargan* проще всего интерпретировать как следствие гаплогграфии в словосочетании *maian wargan* < *maia(a)n wargan* < *maia an wargan* (аффера в оригинале могла быть обозначена при помощи диакритического знака, как в слове *zaidiantē*), где, кроме уже рассмотренного субстантива пом. sg. **maja* ‘майское дерево’, использованы праер. *an* ‘в’ и с предлогом согласованный subst. acc. sg. *vargan* ‘беду, зло’ (прусс. *wargan* I 11₇, III 31₁₃, III 41₁₁, III 57₃ и др.; ср. лит. *vaĩgas*, лот. *vārgs* — PEŽ IV: 220–221).

Таким образом, первую строку Критского следа мы можем реконструировать и перевести так:

[S]tonai[s po] maian meilan— a[ni] ne wede maia (a)n wargan
 «Стань/стой под обрядовым деревом милым/охотно — вовсе не вело
 дерево в беду».

Строка передает общую установку, после которой следует руководство: конкретизация действия и его мотивировка.

Стоять под сосной туру противопоказано, так как *abdolenai galei ragai*. Субъектом в данном фрагменте, судя по окончанию, являются туры рога: ном. pl. *ragai* ‘рога’ (ном. sg. masc. *ragis* ‘рог’ Е 705, ср. с другими балто-славянскими соответствиями). Словоформа praes. 3 **ap-dal-in-ai* ‘обделяют’ содержит корень **dal-* ‘делить’. Ср.: 2 sg. imperat. *dellieis* ‘дели’ III 87₂₃ (inf. **delī-tvei* ‘делить’ — PEŽ I: 195; см. также ном. sg. *dellijks* ‘часть’ III 39₁₆ — PEŽ I: 195); лит. *dalinti* ‘делить’, *dalyti* ‘разделять на части; давать по частям’, лот. *dalīt* ‘тоже’. Слово *galei* в свою очередь представляет собой instr. sg. masc. **galei* ‘смертью’. Вместо *-u* субстантив содержит инновационное (на *ā* основу) окончание *-ei* (ср.: *en stesmu wirdai* III 97₁₆₋₁₇ — Kaukienė 1995: 21–22; Kaukienė, Jakulytė 2015: 47, 49). Чтение *apdalina i galei* ‘обделяют смертью; умирают [рога]’ находит параллель в литовской идиоматике: лит. *smerčiu dalintis*, [su] *mirtimi dalytis* ‘умирать’ (LKŽ II: 246, 248) (ср. чеш. *sdílet dobré i zlé*, *sdílet ztrátu*, рус. *разделять боль утраты*).

Нахождение же под цветущей липой, само собою разумеется, воспринимается в позитивном ключе, так как «здесь пчела носит мед»: adv. [s]cha (прус. adv. *schai* ‘здесь’ III 115₁₇, ср. лит. *še* ‘здесь, тут’, ст.-сл. *се* ‘то же’; см.: PEŽ IV: 78); praes. 3 *peda* ‘носит/несет’ (praes. 3 *pīdai* ‘носит/несет’ III 89₂₅; *perpīdai* ‘приносит’ III 115₁₅ < прус. verb. **pēd-* (inf. **pēstvei*) ‘нести’ (лит. *pydyti* ‘тяжело тянуть, тащить, волочить, нести’; см.: PEŽ III: 269–270, 278–279), которому в самбийском диалекте соответствует **pīd-* (inf. **pīstvei* ‘нести’ — Mažiulis 2004: 17); *bete* = прус. *bitte* ‘пчела’ Е 787 (**bitē*)⁹; *medde* = ном.-acc. sg. neutr. *meddo*

⁹ Предполагают, что прус. **ī* был открытым (Mažiulis 2004: 14). Его произношение напоминало фонему среднего подъема /e/ в современном северножемайтийском диалекте (Girdenis 2001: 413), поэтому такой звук мог быть выражен при помощи <e> (ср.: *kamenis* ‘камин’ Е 515, acc. sg. *pekollin* ‘ад’ I 7₁₈, adj. acc. sg. *lankenān* ‘праздничную’ I 5₉ и др.).

‘мед’ E 391 (PEŽ III: 118; о параготическом -e см.: Dini 2014: 554; Kortlandt 1998).

Итак, целиком реконструкцию и перевод Критского следа можно представить следующим образом:

[S]*tonai*[s po] *maian meilan*— a[ni] *ne wede maia(a)n wargan*
Thaure ne stonais po pievffen— *abdolenai galei ragai*
Stonais po leipen zaidianten— [s]*cha peda bete medd(u)*

«Стань/стой под обрядовым деревом милым/охотно — вовсе не вело дерево в беду:

Тур, не вставай/стой под сосной — смертью обломает рога (дословно: обделяют смертью рога),

Встань/стой под липой цветущей — здесь несет пчела мед».

Использованные стилистические средства говорят о принадлежности текста к категории устных народно-поэтических произведений. Фольклорную поэтику выдает троекратный повтор с последовательно выраженным эллипсисом, где основную смысловую нагрузку несет императив *stonais*. Использование глагола ‘стой’ характерно для балтийских и славянских заговоров (о роли данного глагола в славянской традиции см.: Toropkov 2005: 345–351), напр.:

– *Stok*, *kraujas*, *ronoj Kaip* vanduo Jordane,
 Kur Viešpats Kristus krikštytas, *Kaip* vanduo ten *stojo*!
 (от кровотечения, Nr. 1037— Vaitkevičienė 2008: 446)

Ėjo Jėzus per Cedrono upį. Tu, Jėzau, *stok*, ir tu, griziau, *stok*.
Stovėk in daikto [daiktą] per mano kalbėjimų, per Švenčiausią Panos Marijos pamači.
 (от болезни, Nr. 1019 — Vaitkevičienė 2008: 442)

[От тоски] Встану я раба божия Евдокия благословясь, пойду перекрестясь. Из ворот в ворота из дверей в двери. Выстану я высокую гору. На высокой горе стоит большая сосна. На этой сосне прибита большая, пребольшая доска. На этой доске прибита большая, пребольшая тоска. Я доску срываю и тоску срываю и снимаю тоску на кого говорю. С раба божия такого-то. Аминь.

(записано автором в 2003 г. в п. Бочилово Пудожского р-на Республики Карелия).

В структурном плане Критский след сопоставим с данными примерами:

Шла баба по ричке, вела быка по нитке;
 нитка порвалась, кровь унялась.
Стану я на камень— кровь моя не канет;
стану на кирпичь— кровь, запекись.
 (Maykov 1869: 65)

Стану на камень— кровь не канет,
стану под перевод— кровь переведет,
встану на мыло— кровь замыло,
встану на шило— кровь зашило.
 (Anikin 1998: 625)

Встань на камень— кровь не канет;
стань на железо— кровь не ползет;
встань на песок— кровь не течет.
 (Maykov 1869: 66)

Градация в Критском следе осуществляется при помощи дендронимов, использование которых предопределено традиционными этнокультурными представлениями. В народных литовских песнях липа — чаще всего упоминаемое дерево (Stundžienė 1999: 222). Положительную коннотацию выражают эпитеты *baltoji* ‘белая’, *žalioji* ‘зеленая’, *žydinčioji* ‘цветущая’. Под липой лирический герой работает (V2868+Š1 — *Vai, ant kalnelio žalia liepelė*), отдыхает (V296 — *Ant kalno, ant aukštojo, aug žalia liepelė*), разжигает огонь, танцует, плетет венки (V2121 — *Raibi gaidžiai negiedojo*) и т. д. Липа в представлениях балтов ассоциировалась с добром (плодородием, цветением, медом, сватовством и свадьбой, богатством, эротикой и т. д.), поэтому понятно, почему тур должен под ней стоять.

Совсем другое отношение к сосне, которая соотносится с чертом, местом его пребывания (Jasiūnaitė 2011: 90) и с посмертной сферой. Связь со смертью отражает литовская фразеология (с тем же предлогом): *po pušele* [*atsigulti, važiuoti*] ‘умереть’ (дословно: «под сосну [лечь, ехать]») (ср. *pušį gaudyti* ‘играть в жмурки’ (дословно: ‘ловить сосну’) — рус. *жмурик, жмуриться; жмурки*, чеш. *slepá baba* и др. — Bogdanov 2001: 109–125). Таким образом, наименования сосны и липы использованы осмысленно, их нельзя просто поменять местами. По сути, перед нами не индивидуальный, авторский стиль, а

символами насыщенный отчасти идиоматический текст, появление и существование которого было predetermined веками устоявшимися этнокультурными представлениями.

Ситуативно-обусловленную функцию (предназначение) фольклорного произведения нам объясняет *taja* и образ тура, которые связаны с ритуалом воздвижения обрядового дерева и первым выпасом скота на весеннее пастбище, т. е. с вегетативным празднеством весенне-летнего цикла. В Хорватии, Словении, Чехии, Моравии, Польше ритуальное дерево готовили (кое-где до сих пор ставят) в канун 1 мая. Дерево стояло около месяца. В Чехии и в Словакии ритуал мог происходить и в Троицын день. В восточной Словакии и в Польше праздник, зависящий от климатических особенностей региона, во времени перемещался к середине или к концу мая, т. е. ко дню Святой Троицы. Восточные славяне праздник праздновали на Троицу, в то же время ритуал проходил и у балтов. На это важно обратить внимание, так как данный момент объясняет нам присутствие тура.

Словаки интересующий нас праздник до сих пор называют *Turíce*. «Туроня изображали двое мужчин, стоявшие один за другим. <...> В пути туронь делал дикие прыжки, кивал головой, чтобы усилить звон бубенцов, и пытался кого-нибудь из зрителей сбить с ног. Вся группа направлялась во двор крестьянина и останавливалась у навозной кучи. Стрелок стрелял с возвышенного места в туроня. <...> Туронь падал на навозную кучу. Мясник перерезал ему горло, чтобы он истек кровью, набирал в сосуд немного навозу и нес его в дом хозяина. <...> Потом они все отправлялись на другой двор. Крестьянин, получивший от мясника навоз, относил этот навоз обратно на навозную кучу, убежденный в том, что этим магическим действием во много раз увеличится урожай. Крестьянин вставлял в навозную кучу палку, которой он весной в первый раз погонит скот на пастбище» (Bogatyrev 1971: 35–36).

Похожий обряд *Chodzenie z turoniem* известен у поляков. Отличается тем, что убитое животное участники процессии стремились по-разному оживить, пока тур — как и природа — не вставал из мертвых. В Мозовии место тура занял бык, который стал центральным персонажем троичских обрядов. Животное обряжали цветами и ветками, вешали на рога венок из березы и в сопровождении пастухов (всей деревни) гнали

впереди стада (Tolstoy 1995: 273). Похожий ритуал, называемый *Турица* (> *Троица*), мог существовать в Галиции (Afanasyev 1865: 664). Соответствия прослеживаются и в русской традиции (Tolstoy 1995: 274).

О связи быка с весенне-летней вегетацией, плодородием свидетельствует популярная польская колядка:

Gdzie turoń chodzi, tam sie żytko rodzi.

A gdzie nie chodzi, tam sie nie rodzi.

Gdzie jego stopy, tam staną kopy.¹⁰

Следовательно, тур и обрядовое дерево, фигурирующие в Критском следе, также стилистически восходят к устной словесности. Более того, в рамках балто-славянского ареала они теснейшим образом друг с другом связаны: пробуждение природы и начало нового аграрного года праздновались в особый «турий день» под специальным ритуальным деревом. Традиционные обряды проходили ежегодно. Это важно акцентировать, так как цикличность народного календаря нам проясняет характер эллипсиса в первой строке текста. Здесь возможно усмотреть временную причинно-следственную юкстапозицию, характерную для поэтики магических текстов:

[S]tonai[s po] maian meilan— a[ni] ne wede maia(a)n wargan

«[Вновь] встань под деревом охотно, [в прошлом году] ведь дерево не привело [тебя] в беду»

или же

«Как не случилось беды от того, что стоял под деревом, так и сейчас встань под милым деревом».

Таким образом, рассмотренные стилистические характеристики не противоречат, а, наоборот,— подкрепляют тот герменевтический подход, который на основе корреляции графем и синтаксических элементов был нами избран для общей структурно-семантической интерпретации текста. Вместе с тем необходимо констатировать, что реконструкция была проведена с использованием нескольких серьезных графических конъектур, поэтому предложенное толкование — без допол-

¹⁰ Ср. с обрядовыми песнями о вождении козы: *Де Коза ходить, / там жито родить!* / *Де Коза ногою, / там жито копою...*

нительного текстологического обоснования — нельзя считать абсолютно надежным и единственно верным.

Для того чтобы гипотетическое чтение переросло в нечто большее, необходимо найти контрольную текстовую параллель. Таковую, к счастью, мы обнаружили (уже после появления выше изложенной общей интерпретации Критского следа в свете фольклорной поэтики — Lemeškin 2014a) в литовском песенном фольклоре (Lemeškin 2014b). Имеем в виду дзукийскую свадебную песню «Vai broleli broleli» (V 701), известную в записях 1911–1957 гг.:

Tai, Stasiuli jaunasai,
Mes tavi išlaidziame,
Mes tavi išlaidziame,
Išlaisdami pamokinam.

Nestacyk sa žirgelio
Po ievaro krūmeliu,
Ba ievaro krūmelis —
Neščėslyvas medelis:
Senos bitės spiečių nelaidzia,
Margos paukštės vuogų negeria.

Pastacyk sa žirgelį
Po pucino krūmeliu.
Ba pucino krūmelis
Tai ščėslyvas medelis:
Senos bitės spiečių laidzia,
Margos paukštės vuogas geria.
(Dainynas IV 1988: 349)

В песне присутствует разделение на часть общую (вступительную) и предметно-конкретизирующую. В начале, в первом четверостишье, постулируется необходимость поучить отправляющегося в дорогу героя лирической песни. Данная часть соответствует первой строке Критского следа. Далее поучение конкретизируется и одинаковым образом детализируется с той разницей, что в прусском тексте императив *stonais* ‘стань’ обращен к действующему лицу ритуала — туру, в то время как в литовской песне каузатив *statyk* ‘ставь’ обращен к лирическому герою песни, который свое действие должен обратить на своего коня:

<i>Thaure, ne ūtonais po pievŝen</i>	<i>Nestacyk sa žirgelio / Po ievaro krūmeliu...</i>
«Тур, не стой под сосной ...»	«Не ставь коня под яворным кустом...»
<i>Stonais po leipen ...</i>	<i>Pastacyk sa žirgeli / Po pucino krumeliu...</i>
«Стой под липой...»	«Поставь коня под калиновым кустом...»

Глагольная метаморфоза *ūtonais* ‘стань/стой’ > каузатив *statyk* ‘ставь’, по всей видимости, произошла вследствие изменения жанра и, соответственно, из-за появления другого действующего лица. Оба императива, управляющие тем же предлогом *po*, указывают под каким из растений животное должно стоять. Противопоставление двух мест — правильного и неправильного — тождественным образом далее обосновывается, т. е. разъясняется, какое растение является подходящим (хорошим) или неподобающим (плохим) и почему. Положительное дерево и там и здесь характеризуется при помощи того же мотивирующего признака:

<i>[s]cha peda bete medd(u)</i>	<i>[čia] senos bites spieciu laidžia</i>
«здесь несет пчела мед»	«[здесь] старые пчелы роятся»

Общую лексико-синтаксическую структуру можно представить следующим образом: {*nestonais/nestatik po* ‘не стой/ставь под’ + асс. sg. *phyton.*, ‘так как это дерево плохое»; *stonais/statik po* ‘стой/ставь под’ + асс. sg. ‘липой/кленом’, ‘так как здесь медоносные пчелы’}. Очевидно, что литовский текст опосредованным образом связан с прусским. Так как дзукийский ареал граничил с прусской территорией, можно предположить, что литовская свадебная песня восходит к произведению прусского календарного фольклора (или к какой-то его производной). Оставив в стороне проблематику происхождения и жанровой диффузии¹¹, отметим лишь то, что представляет важность для целей нашей работы, а именно: литовская текстовая параллель надежно обосновывает конъектуру (сначала *[s]cha*, затем, по аналогии, — *[S]tonai[s]*) и оправданность лексико-

¹¹ Попутно лишь заметим, что вследствие изменения жанрового ключа литовское заимствование приобрело определенный алогизм. Прусский текст был абстрактно обращен к ритуальному туру или лирическому герою колофона (т. е. к Петру Турновскому, об этом далее). В литовской же песне дается «поучение», явно противоречащее житейской логике, ибо ставить коня там, где находится рой, крайне опасно: пчелы, обнаружив коня, жалят его до смерти.

семантической интерпретации *maian*, *pievffen*, *leipen* именно как дендронимов (асс. sg.).

Рассмотрев Критский след с точки зрения происхождения (первоначальной семантики и функционирования), вернемся ко вторичной, рукописной среде его бытования. В 1440 г. текст был с графическими ошибками механически воспроизведен. Какая же роль фольклорному произведению отводилась в оригинале, т. е. в той рукописи, которую Петрус Вицкерау в г. Ханья переписал?

Ответ на этот вопрос дает Базельский колофон, в составе которого мы выделяем латинскую и иллюстрированную прусскую часть. Последняя содержит слова рождественской колядки, приуроченной ко дню Поклонения Волхвов (Трех Королей): *Kayle rekyse · thoneaw labonache thewelyse · Eg · koyte · poyte · nykoyte · pēnega doyte* · «Дай Бог здоровья (тебе)! Тони Боначи, дяденька! / Если хотят (хочет) — пойте, / Не хотят (хочет) — деньгу дайте». Миниатюра, изображающая человека в просящей позе, и прусская колядка согласуются с данными латинской части колофона: *Anno domini millesimo cococo sexagesimo nono finite sunt que / stiones metheororum per manus illius qui scripsit eas et / c in vigilia epiphanie per manus illius qui scripsit eas / Omnibus omnia non mea sompnia dicere possum amen*. Таким образом, завершив свой труд, прусский писец в ночь с 5 на 6 января 1369 г. решил (после латинского гекзаметра *Omnibus omnia non mea sompnia dicere possum*) высказать свою тайную мечту (*somnium*). Время появления списка он осмыслил при помощи на тот момент «актуального» (для себя и своего окружения) текста календарного фольклора (Lemeshkin 2020, Lemeškin 2019: 147–162).

Тот же механизм мог быть задействован в рукописном оригинале *Logica parva*, которым в 1440 г. на о. Крит воспользовался Петр Вицкерау. Иными словами, прусский предшественник немецкого переписчика завершил копирование текста (список-протограф по отношению к рукописи, датированной 1440 г.) на Святую Троицу. Но в котором году? Ответ на этот непростой вопрос нам могут подсказать сведения из истории балто-критских отношений. Дело в том, что на о. Крите не было и не могло быть изобилия балтов. Самих прусов, эрудированных и образованных, т. е. потенциально способных оставить

такой «языковой след», тогда было единицы. Конечно же, появление кого-нибудь из их числа на о. Крит должно было носить совершенно исключительный характер. Применительно ко всему Средневековью и Раннему Новому времени мы располагаем одним единственным, но чрезвычайно важным свидетельством.

В 1422 г. Грецию и остров Крит в познавательных целях посетил пражский гусит Петрус Турнау (*Petrus Turnau Prutenus de opido Tolmet, Petr Turnov, Piotr Turnow*; *1390, Tolkemita — 11.VI.1425, Udenheim, совр. Philippsburg). О подробностях его жизни повествует трагический источник 1425 г. — *Processus inquisitionis contra Petrum Tornav* (Universitätsbibliothek Kassel, кодекс *Juristische Sammelhandschrift*, sign.: Ms. iurid. 58, ff. 240v-252r — Kremer 1969: 77–84).

Петр Турнау был родом из Толькмицко (пол. *Tolkmičko*, нем. *Tolkemit*), т. е. был носителем как раз того диалекта, на котором создан Критский след:

Quo iuramento facto interrogatus de eius nomine respondit, quod vocatur Petrus Turnau.

Item interrogatus, de quo loco sit natus respondit, quod de Prusia de opido Tolmet iuxta Elbinch diocesis Warmiensis et ita se nominat (241r).

Антропоним *Turnau*, должно быть, отсылает к чешскому г. Турнов (чеш. *Turnov*, нем. *Turnau*), где в местной партикулярной школе молодой человек овладел латынью. С 1411 г. он изучает логику в Циттау, т. е. в непосредственной близости от Турнова, однако вскоре, уже в 1412 г., перебирается в Прагу «изучать логику и другие факультеты». Во время Констанцского собора из Праги переезжает в Болонью, где в 1421 г. получает степень бакалавра. После этого направляется в Грецию, дабы увидеть там «чудеса света». На Крит наш прус должен был добраться в апреле 1422 г. и пробыть здесь около четырех месяцев:

Item interrogatus, quando a Bononia recesserat respondit, quod de illo non sit memor. Putat tamen forte, quod sint tres anni. Et quando ipse de Bononia recesserat dicit se ivisse in Greciam ad videndum mirabilia mundi. Et eciam dicit se tetendisse visitare terram sanctam. Mansit tamen in Grecia in quadam insula vocata Cretensi, in qua moratus fuit ad terciam partem anni scilicet minus quam per estatem (241r–241v).

Item interrogatus, quo se transtulerit, quando de Grecia recesserat respondit, quod venit de illo loco usque ad Veneciam et sic descendendo venerat in Pragam et sic ivisset ad proprias partes, sed auditis dissencionibus in propriis partibus non transivit ad eas et sic mansit in Praga per aliquas ebdomadas et fuit ibidem cum quodam presbitero de Slesia vocato Laurencio conversatus (241v).

Находясь в Праге, Петрус Турнау написал сочинение, списки которого сейчас хранятся в библиотеках Чехии и Моравии, напр.: *Ordo religionis Ecclesie Orientalis sive Grecorum etc. Per Petrum prutenum ibidem visus, sive examinatus in hac quoque forma plena fide conscriptus Anno incarnationis domini M^oCCCCxxiii^o* (Moravská zemská knihovna v Brně, cod. *Sermones de tempore*, sign.: Mk. 74, f. 261v–267v). 11 июня 1425 г. после непродолжительного инквизиционного процесса пражский гусит Петр Турновский, перед тем непродолжительное время успевший поработать кафедральным учителем в г. Шпайер, был сожжен.

Выборочно и кратко изложенные сведения важны в нескольких отношениях. Это единственный известный нам прус, который до 1440 г. посетил и продолжительное время провел на о. Крит. С уверенностью можно сказать, что Турновский в период, которым датируем появление колофона, на острове действительно находился. Также важно, что он не был купцом или монахом-пилигримом, т. е. на остров его привели совершенно иные мотивы, а ранее полученное образование, литературные занятия и секулярная ориентация вполне могли содействовать «шалостям» в виде календарно-ритуального, фольклорного колофона. Переписанное им (возможно привезенное с собой) прогрессивное сочинение Паоло Венето согласуется с интеллектуальным профилем питомца Пражского и Болонского университетов.

Кроме того, в глаза бросается примечательное соответствие между прус. voc. *Thaure* 'Тур' и *Turnau*, происхождение которого, т. е. чеш. *Turnov*, народная этимология, подкрепленная местными сюжетами, охотно связывала и связывает с туром (< *Turov* 'турий'). Учитывая вполне правдоподобную имплементацию общего лексико-семантического поля 'тур', возможно предположить, что автор колофона проецировал фольклорный текст о туре на самого себя. В таком случае колофон искусно «информировал» не только о времени появления списка, но и о

лице его создавшем: «Закончил на Троицын (турий) день [1422 г.] Тур(н)овский (= из Тур(н)ова, турий)»¹².

Таким образом, Критский след — прусский фольклорный текст, известный по списку *Logica parva* 1440 года, таит в себе значительную интригу. Чрезвычайно необычно уже одно то, что текст на экзотическом языке был использован на экзотическом Крите. На сегодняшний день это самый отдаленный — географически — пример использования балтийского языка. Значительный пространственный прыжок прусского языка на первый взгляд кажется явлением совершенно окказиональным, однако его следует воспринимать в двух взаимно не исключаящих друг друга аспектах.

Первый аспект — христианский обрядно-теологический — связан с каноническим правом. Путешествие в далекую Грецию мотивировали пуристические установки в духе Джона Уиклифа. Пражский гусит Петрус Турнау ищет чистый источник для обновления церковных ритуалов, по этой причине после возвращения пишет сочинение *Ordo religionis Ecclesie Orientalis sive Grecorum*. В этом он схож с Иеронимом Пражским с той лишь разницей, что сподвижник Яна Гуса отправился в Литву; другой на юг — в Грецию.

Второй аспект связан с концепциями возникновения балтийских языков, в связи с чем следует вспомнить об изложенной Грегорием Гаймбургским и Яном Длугошем (Lemeškin 2019: 44–46) концепции, согласно которой предки прусов, потомки и народ Пруссия I, пришли из Вифинии: *Conflictus ergo et superatus Prussias cum Bithiniis gente sua in aquilonarem oram Romanos fugiens venit et ex suo titulo Prusie nomen fecit. Bithinici autem populi eciam in hactenus manent*

¹² В конце концов, не можем не поддаться искушению и не связать (гипотетически) появление Критского следа с историко-культурным колоритом Крита. Произведения, изображающие «игру с быками», в наши дни стали популярны после раскопок царского дворца в Кноссе, однако критский культ быка (не по фрескам, но по мелким артефактам: печатям, геммам, вазам, кольцам, скульптурам..., которые тогда в Европе интенсивно коллекционировались) мог быть (стать) известен и человеку XV в., особенно тому, кто на Крит приехал по собственной воле, дабы повидать «чудеса мира». Образ минойского быка мог сподвигнуть к действию: к использованию «современного» фольклорного текста, в котором главная роль была отведена туру.

vestigia, quoniam nonnulli Prutheni prisce lingue retinentes oracula ab Eolicis, Doricis, Vadicis et Jonicis populis competenter intelliguntur (Ioannis Dlugossi *Annales* 1964: 216). Путешествие на далекий Крит, таким образом, можно воспринимать и как своеобразное возвращение к истокам, т. е. приближение (благодаря существованию венецианского форпоста) к родным берегам.

Учитывая культурно-идеологический контекст эпохи, область интересов и уровень образования Петра Турновского, можно осторожно предположить, что появлению прусского текста о туре косвенно или непосредственно поспособствовало культурное наследие Крита, т. е. те артефакты античной культуры (в том числе изображающие и игру с быками), к которым ренессансный интеллектуал и писатель проявлял интерес.

Оставив летом 1422 г. (на Троицын день) Критский след, Петрус Турнау предоставил в наше распоряжение ценный фольклорный лингвистический источник. Прусский памятник содержит не только ранее зафиксированные (*meilan, wargan, wede, [s]cha, peda, bete, medd[u]*), но новые словоформы (*Thaure, ftonais, pievffen, galei, ragai, leipen*) некоторых известных лексем. Кроме того, здесь мы впервые находим еще одну славяно-прусскую изоглоссу — дендроним, использованный в им. и вин. п. (*maja, majan*). Такое слово в принципе не могло быть зафиксировано в катехизисах и в ганзейской лексикографии. Слово является бесценным свидетельством культурной жизни древних балтов — прусского календарного обряда, сопровождавшего встречу весны. К категории *haraх legomenon* также относятся *a[ni], abdolenai, zaidiante(n)*. В конце концов, памятник, отражающий помезанский диалект, использует чистый синтаксис (в виде эллипсисов и оборота с двойной негацией *ani ne wede*) и живую идиоматику (*ne ftonais po pievffen, abdolenai galei, po leipen zaidianten*). Наши представления о прусском языке, балто-славянском глоттогенезе были бы иными, если бы мы располагали не единичными примерами, а обширным корпусом подобных текстов.

Литература

Afanasyev, A. N. 1985: *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov*

- [*Poetic views of the Slavs on nature. An attempt of a comparative study of Slavic legends and beliefs, in connection with the mythical legends of other related nations*. Vol. 1]. Moscow: Grachev Publ. House.
- Афанасьев, А. Н. 1865: *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*. Т. 1. М.: Тип. Грачева и Комп.
- Agapkina, T. A. [Ceremonial tree]. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 73–75.
- Агапкина, Т. А. 1999: Древце обрядовое. В кн.: Толстой Н. И. (ред.) *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 2. М.: Международные отношения, 73–75.
- Anikin, V. P. (ed.). 1998: [*Russian charms and spells. Materials of folklore expeditions in 1953–1993*]. Moscow: Moscow State University.
- Аникин В. П. (ред.) 1998: *Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг.* М.: Изд-во МГУ.
- Bogatyrev, P. G. 1971: [*Problems of the theory of folk art*]. Moscow: Iskusstvo.
- Богатырев, П. Г. 1971: *Вопросы теории народного искусства*. М.: Искусство.
- Bogdanov, K. A. 2001: [*Everyday life and mythology. Studies in the semiotics of folklore reality*]. St. Peterburg: Iskusstvo.
- Богданов К. А. 2001: *Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности*. СПб.: Искусство.
- Dainynas IV 1988 — *Lietuvių liaudies dainynas* 4(2): *Vestuvinės dainos. Sutartuvių — jaunojo išleistuvių dainos*. Vilnius: Vaga.
- Dini P. U. 2004: Nota terminologica: come chiamare la scritta in prussiano antico di Basilea? *Res Balticae* 10, 243–246.
- Dini P. U. 2014: *Foundations of Baltic Languages*. Vilnius: Eugrimas.
- Girdenis A. 2001: *Kalbotyros darbai* 3: 1962–1974. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Ioannis Dlugossi Annales 1964: *Ioannis Dlugossi Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*. Liber 1/2. Varsaviae: Państw. Wydaw. Naukowe.
- Ivanov, Vyach. Vs., Toporov, V. N. 1958: [*On the question of the most ancient relations between the Baltic and Slavic languages*]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. House.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. 1958: *К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков*. М.: Изд-во АН СССР.
- Jasiūnaitė B. 2011: Velnio pavadinimai pagal gyvenamąją vietą lietuvių tarmėse ir tautosakoje. *Baltistica* 46(1), 87–106.

- Kalvaitis V. 1998: *Prūsijos Lietuvių Dainos*. Vilnius: Lietuvių Literatūros ir Tautosakos Institutas.
- Karaliūnas S. 1968: Kai kurie baltų ir slavų kalbų seniausiųjų santykių klausimai. *Lietuvių kalbotyros klausimai* 10, 7–187.
- Kaukienė A. 1995: Prūsų kalbos linksniavimo sistema ir jos kitimas. *Baltistica* 30(2), 17–24.
- Kaukienė A., Jakulytė D. 2015: Stonais po leipen zaidiantė: kitokia XV a. baltiško teksto interpretacija. *Res Humanitariae* XVII, 40–52.
- Ker Neil R., Piper Alan J. 1992: *Medieval Manuscripts in British Libraries*. IV. *Paisley–York*. Oxford: Clarendon press.
- Kessler S., Mossman S. 2013: Ein Fund aus dem Jahre 1440: Ein bisher unbekannter Text in einer baltischen Sprache. *Archivum Lithuanicum* 15, 511–534.
- Kortlandt Frederik 1998: Paragoric -e in Old Prussian Epigram. *Baltistica* 33(1), 39–40.
- Kremer M. 1969: *Die Handschriften der Murhardschen Bibliothek der Stadt Kassel und Landesbibliothek 2: Manuscripta iuridica*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Lemeškin I. 2014b: Kretos pėdsako trečiosios eilutės interpretacijos klausimu.— *Baltistica* 49(2), 357–364.
- Lemeškin Ilja 2014a: Petrus Wickerau vs. Petrus Turnau. Kretos pėdsako autorystės klausimu. *Baltistica* 49(1), 139–161.
- Lemeshkin I. V. 2018: [Vertical reading of Simon Grunau's so-called dictionary]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 22, 803–820.
- Лемешкин И. В. 2018: Способ вертикального прочтения так называемого словаря Симона Грунау. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22, 803–820.
- Lemeškin Ilja 2019: *Lithuanica aliter*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- Lemeshkin I. V. 2020: [(Re)construction vs. reading of an ancient Prussian text]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 24, 466–479.
- Лемешкин И. 2020: (Ре)конструкции vs чтение древнейшего прусского текста. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24, 466–479.
- LKŽ I–XX — *Lietuvių kalbos žodynas* 1–20. Vilnius: Mintis, 1956–1999.
- Maykov, L. N. 1869: [*Great Russian spells*]. St. Peterburg: Maykov Publ. House.
- Майков Л. Н. 1869: *Великорусские заклинания*. СПб.: Типография Майкова.
- Mažiulis V. 1970: *Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija)*. Vilnius: Mintis.
- Mažiulis V. 1975: Seniausias baltų rašto paminklas.— *Baltistica* 11(2), 125–131.
- Mažiulis V. 2004: *Prūsų kalbos istorinė gramatika*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.

- McCluskey S. C., Schmalstieg W. R., Zeps V. J. 1975: The Basel epigram: A new minor text in Old Prussian. *General Linguistics* 15, 159–165.
- PEŽ I–IV: Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas* 1–4. Vilnius: Mokslo, 1988–1997.
- Rix H. (Hrsg.) 2001: *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert.
- Tolstoy, N. I. 1995: [Bull]. In: Tolstoy, N. I. (ed.). *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 272–274.
- Толстой Н. И. 1995: Бык. В кн.: Толстой Н. И. (ред.). *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 1. М.: Международные отношения, 272–274.
- Toporkov, A. L. 2005: [*Charms in the Russian handwritten tradition in the 15–19 centuries. History, symbolism, poetics*]. Moscow: Indrik.
- Топорков А. Л. 2005: *Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика*. М.: Индрик.